

Самый роскошный пятизвездочный отель в столице был необычайно оживлен.

Сегодня — в день, когда могущественные столичные кланы Дуань и Бай заключали союз через брак.

Младший сын семьи Дуань, Омега по имени Дуань Чанчуань, и старшая дочь семьи Бай, Альфа по имени Бай Су, справляли здесь свою свадьбу.

Все знали, что этот брак строится исключительно на расчете, без каких-либо чувств. Бай Су и младший сын семьи Дуань раньше даже не виделись, но отныне их судьбы оказались связаны.

К тому же, стоило установить связь через метку между Альфой и Омегой, как под воздействием как физиологических факторов, так и закона эти двое были обречены не расставаться до конца своих дней.

— Подумать только, какой толк от этих финансовых магнатов, сколько бы у них ни было денег и власти? Даже в браке им приходится руководствоваться выгодой, тц-тц-тц.

— Чем выше дерево, тем сильнее дует ветер, вот и кучкуются... Эх, сразу видно, что жизнь богачей не такая уж сладкая.

— И то верно. Поделись со мной семья Дуань хотя бы половиной своего состояния, я бы не только за нелюбимого человека вышла, но и на любые обряды ради удачи согласилась, лишь бы потом вдовушкой остаться.

— Ха-ха-ха, и правда.

Переодевшийся в свободную пижаму Омега опустил взгляд, помогая Альфе раздеться, и тихо произнес:

— Вы устали.

Когда шум фена стих, щелкнул выключатель, и в огромной спальне остался гореть лишь один приглушенный желтоватый светильник.

Он услышал чей-то шепот прямо у самого уха, полный нежности в каждом слове.

Нетрудно было представить, как в скором времени, поддавшись воле Альфы, этот запах обретет поистине...

Омега слегка отвел взгляд, чуть повернув лицо, и дрожащим голосом ответил:

— У... меня никого не было.

Аромат и сладость.

Бай Су убрала руки, легонько потирая кончики пальцев, и тихо усмехнулась:

— Умница, я сначала в душ. Жди меня, ладно?

Секунда, две...

В роскошной комнате раздался тихий, легкий смешок:

— Хорошая девочка.

Свет падал на желтоватые стены, отбрасывая две тесно переплетенные тени...

Проходившие мимо люди смотрели на это пышное убранство и оживленно переговаривались.

— Значит... сегодня я ставлю метку до конца?

Спустя долгое время он наконец смежил ресницы и едва слышно выдохнул:

— Хорошо...

Голос был хриплым, а концы фраз слегка взлетали вверх.

Женщина тихо рассмеялась:

— Какое совпадение, у меня тоже.

Юноша в ярко-желтом нижнем белье хмурил брови, тяжело и часто дыша.

Это были ничем не подавленные феромоны Омеги.

Омега дважды взмахнул ресницами и выдавил из глубины горла сдержанное:

— Хорошо...

В ванной затих шум воды, и раздалось гудение фена.

Альфа нависла над юношей, опираясь руками о кровать, и тихо спросила:

— Дуань Чанчуань, у тебя раньше был кто-то, кто тебе нравился?

Юноша поджал пальцы и молчал, храня молчание.

Пленительный аромат гардении тонкой струйкой проникал в ноздри...

А в люксе на самом верхнем этаже отеля виновники всеобщих разговоров во всей столице не замечали ничего вокруг.

Воздух был насквозь пропитан двусмысленностью.

Приближался одиннадцать часов вечера, банкет подошел к концу, и гости постепенно расходились.

— Мм.

Свет падал на его лицо, слегка покрасневшее от выпитого вина.

Самый обычный вопрос прозвучал из ее уст невероятно тягуче и нежно.

Его мать гладила его по рукаву, заливаясь слезами:

— Сынок, не смей противиться своему дяде-князю...

Ароматы гардении и пиона тихо переплетались в тишине комнаты...

Она подняла руку, и ее кончики пальцев нежно коснулись его щеки.

Бай Су молча глубоко вдохнула, а затем едва заметно выдохнула.

Мужчина в чиновничьем облачении сидел на боковой тахте, глядя на него с полуулыбкой:

— Ваше Величество уже достигли совершеннолетия, самое время взять в жены добродетельную Императрицу, чтобы в будущем я мог спокойно вернуть вам всю полноту императорской власти.

— Дуань Чанчуань... почему ты такой милый...

— Снял противозачаточный пластырь?

Температура, казалось, стала еще выше.

С родимым пятном у внешнего уголка глаза, этот открытый и благородный юноша вмиг приобрел соблазнительную, почти порочную красоту.

Майские дни в столице выдались теплыми.

Пока он говорил, его взгляд то и дело падал на стоявшую неподалеку двуспальную кровать размера King size.

Глубокой ночью все еще можно было расслышать долгие, сдавленные рыдания.

Во дворце, во Дворце Миншэн, в личных покоях императора.

В следующее мгновение он снова оказался в полумраке комнаты...

Омега тихо отвел, издав едва уловимый дрожащий звук.

Его словно разрывало надвое между двумя мирами.

С одной стороны — жаркие, пылающие объятия...

Женщина целовала его в шею, шепча:

— Дуань Чанчуань... отныне будь моим единственным Омегой, хорошо?

А с другой — сдерживаемые материнские слезы.

— Сынок, послушайся своего дяди-князя... Разве императорская власть важнее наших с тобой жизней?

— Сынок, тебе с ним не справиться... Мать умоляет тебя, умоляю...

Разные голоса и разные картины переплетались в его голове.

Грудь юноши вздымалась, дыхание становилось все более частым.

Пока он резким движением не сел, широко распахнув глаза, и со злости не ударил кулаком по деревянному краю кровати.

Дверь испуганно распахнулась, и кто-то испуганно окликнул его по титулу:

— Ваше Величество, Ваше Величество! Что с вами?

Мгновенно весь этот хаос начал рассеиваться, и перед глазами возникло четкое лицо.

— Ваше Величество... Ваше Величество? Вам приснился кошмар?

Маленький евнух в одеждах со стоцветочными питонами торопливо принялся поглаживать его по груди, помогая успокоить дыхание.

Дуань Чанчуань моргнул, оглядывая окружающие его алые колонны из ценного сандалового дерева...

В глубине его глаз все еще теплилось не до конца рассеявшееся изумление.

— Мне только что приснился сон... — медленно произнес он. — Мне приснилось...

На полуслове он внезапно замолк.

Заметив, что он долго не продолжает, евнух робко спросил:

— Ваше Величество, что же вам приснилось?

Юный император поджал губы и с унылым видом покачал головой:

— Чанлэ, мне казалось... я всё забыл.

После чего погрузился в долгое молчание.

В позолоченном зале мерцали свечи...

В тишине комнаты раздался тихий вздох евнуха:

— Ваше Величество, позвольте рабу помочь вам переодеться. Регент уже присылал людей справиться, проснулись ли вы, чтобы не опоздать к началу сегодняшней свадьбы.

Молодой правитель опустил взгляд, и его длинные ресницы невольно задрожали...

Из горла вырвалось глухое:

— Угу.

Парадные одежды надевали одну за другой...

Наступил час чэнь, и лучи ранневесеннего солнца поднялись над черепичными крышами. Восемнадцатилетний император уже стоял у входа во Дворец Миншэн.

В алых одеждах, грациозной походкой, юноша шаг за шагом спускался по белокаменным ступеням из слоновой кости.

Две длинные процессии — «драконья» и «фениксова» — соединились вместе, а затем медленно расступились, образовав дорогу шириной в сто футов.

Знамёна, опахала — всё пестрело и переливалось.

Ветер трепал их, издавая хлопающие звуки.

Наконец, на самом конце дороги показалась украшенная красным паланкин.

Женщина в новом свадебном наряде плавной походкой спустилась вниз.

Вышитый золотыми нитями феникс казался затерянным среди алого моря.

Дуань Чанчуань смотрел на приближающуюся фигуру, и его руки под рукавами невольно сжались в кулаки...

Бай Су, старшая дочь нынешнего канцлера, рожденная от наложницы из боковой ветви семьи.

И в то же время — его будущая Императрица, на которой он должен был жениться сегодня.

Этот старый лис Бай Яньюань в сговоре с Регентом заявлял, будто старшая дочь непременно считается законнорожденной, и наперекор предсмертной воле Прошлого императора силой отменил назначенный брак, отправив во дворец Бай Су на замену.

Из-за этой истории теперь весь белый свет знал, что нынешний Сын Неба — всего лишь марионетка и ничтожество, неспособная защитить даже собственный брак.

Пока он погрузился в свои мысли, кто-то осторожно дернул его за рукав, и раздался тихий голос Чанлэ:

— Ваше Величество?

Юноша опустил взгляд и только тогда заметил: новая императрица в роскошном наряде уже опустилась на колени совсем близко от него.

— Недостойная приветствует Ваше Величество, — произнесла женщина.

Ее голос не отличался мягкостью и нежностью, свойственными большинству женщин, наоборот, в нем сквозила некоторая властность.

Естественная властность, которая прорывалась в каждом движении, тоне и голосе.

Словно... она привыкла всегда и во всем быть на высоте.

— Настал час сы, просим благородную деву совершить поклон и принять печать Императрицы!
— громким голосом провозгласил стоявший рядом церемониймейстер.

Чанлэ почтительно приблизился с печатью на подносе:

— Ваше Величество.

Дуань Чанчуань в нерешительности протянул руку...

В этот момент женщина подняла голову.

Ярко-алые губы, слегка вздернутые уголки глаз и пара узких, прекрасных глаз, неотрывно смотревших на него.

— Ваша служанка благодарит Ваше Величество.

— Дуань Чанчуань... почему ты такой послушный...

Два голоса прозвучали одновременно, хотя принадлежали явно одному и тому же человеку.

Первый — строгий и официальный, второй — ленивый и насмешливый.

Перед глазами на мгновение промелькнула какая-то картина, но тут же растаяла, не оставив и следа.

Дуань Чанчуань дрогнул рукой, и печать Императрицы полетела вниз.

В следующее мгновение он даже расслышал испуганные возгласы чиновников.

Вдруг чья-то рука уверенно подхватила падающий предмет.

В мгновение ока печать целой и невредимой вновь оказалась перед его глазами.

Вместе с движением рукава повеяло ароматом пионов.

— Это что же, испытание для Вашей служанки от Вашего Величества? — произнесла она.

Ее слова сопровождалась легкой улыбкой в уголках прекрасных глаз, а во взгляде читалась бесконечная снисходительность.

Юноша в одеждах алых, как пламя, внезапно вспыхнул до самых кончиков ушей.

<http://bllate.org/book/21020/2136733>